

ВЕРОНИКА

Ранним утром, все еще сонная, я, спотыкаясь, спускаюсь по лестнице и захожу на кухню. Улыбаюсь при виде мамы, сидящей у эркерного окна в дальнем конце комнаты.

Она в своем любимом белом сарафане на тонких бретельках и с кружевами по подолу. От того, как солнечные лучи падают на ее длинные светлые волосы, кажется, что она вся светится, и в ней есть какая-то мягкость, которая согревает мое сердце. Это моя мама, моя лучшая подруга, и я знаю, что все будет хорошо, пока она со мной.

— Доброе утро, — говорю я.

Мама поворачивает голову в мою сторону и одаривает меня одной из своих фирменных великолепных улыбок. Может быть, она улыбается потому, что мои волосы — одно большое крысиное гнездо, или потому, что сейчас август, а я в зимней пижаме с Минни-Маус, раскачиваюсь из стороны в сторону, будто мне шесть лет, а не семнадцать. Независимо ни от чего, она рада меня видеть, и это приводит меня в восторг.

— Доброе. — Мой отец — водитель грузовика, но сейчас он по локоть в тесте для вафель и совершенно не стыдится того, что его черная футболка и потертые синие джинсы испачканы мукой.

Что бы папа ни готовил на кухне, он будет в ингредиентах с головы до ног. Как ему это каждый раз удается, я никогда не узнаю. Но это вид искусства, в котором он преуспевает, и я аплодирую ему за старания.

— Как спалось? — спрашивает он.

— Хорошо, — я шаркаю ногами через кухню и сажусь рядом с мамой. Аккуратно кладу голову ей на плечо и подушку позади нее, и она переплетает свои пальцы с моими.

Мы живем на втором и третьем этажах этого огромного трехэтажного викторианского дома, который мама купила на свое скромное наследство несколько лет назад. Первый этаж мы сдаем в аренду для дополнительного дохода, потому что жить там было бы жутко. Много лет назад на первом этаже произошли таинственные смерти, и какой одиннадцатилетний ребенок захочет спать в комнате, где кто-то умер? Но хорошая новость заключается в том, что это место досталось нам практически бесплатно, поскольку никто не захотел покупать дом с такой историей.

С моей активной, но бесполезной помощью папа отремонтировал полы. Он превратил третий этаж в две спальни и ванную, а второй — в гостиную и кухню. Кроме туалетной комнаты, шкафов и кладовки, второй этаж открытой планировки. И, так как мама любит цвет неба в безоблачный день, стены были солнечно-голубыми с белой отделкой.

Папа подпевает песням восьмидесятых годов, которые звучат из встроенных в потолок динамиков. Голос у него хриплый, грубый и резкий, как и его внешность. Внутренне я хихикаю от того, на-

сколько он глупо выглядит, когда трясет головой и ведет себя так, будто у него все еще длинные черные локоны вместо лысой головы. Он не очень хороший певец и определенно не лучший танцор, но замечательный папа.

— Как же ты в него влюбилась? — шепчу я маме, хотя уже знаю ответ. Есть что-то успокаивающее в том, чтобы вести такие разговоры с кем-то, кого ты любишь.

— Лучше спроси, как твой отец влюбился в меня.

Мои родители — полная противоположность друг друга. Она — нежное солнышко, а он — гроза с широкими плечами, словно у вышибалы из бара, и с черной козлиной бородкой. Мама — это стихи, художественные галереи, тихие дни и маковые кексы. Папа же — футбол по воскресеньям днем, покер по понедельникам и несколько кружек пива с друзьями по пятницам.

— Он любит тебя, — говорю я. Никто и никогда не любил никого так сильно, как папа любит маму. Несмотря на то, что он не особенно счастлив с ней в данный момент, любовь все еще существует.

— Он любит нас, — поправляет мама.

Я не могла не согласиться с ней.

Папа по-прежнему сосредоточен на вафлях и дает мне время влиться в мой день прежде, чем перейти к разговору. Я не примадонна, просто почти каждое утро просыпаюсь с жуткой головной болью. Сильную мигрень, которая заставляет чувствовать себя так, будто «Боинг-747» непрерывно приземляется прямо на мой мозг, я уже считаю терпимой. Но в ужасные дни боль так сильна, что я не могу встать с постели.

Этим утром я не проснулась с жуткой головной болью и действительно хорошо спала, поэтому сразу сообщаю папе, что сегодня хороший день.

— А как ты спал?

Общение с ним в такую рань — настоящий подарок, и улыбка, которую папа бросает в мою сторону, дает мне понять, что для него сейчас нет ничего лучше этого.

— Я отлично выспался. Ты готова к сегодняшнему дню, орешек?

— Да.

Не совсем так. Я скорее вырву себе глазные яблоки, чем пойду на профориентацию, но папа довольно непреклонен относительно образования. И мне не хочется, чтобы он в дороге беспокоился обо мне, так что легче врать.

— Ты готов к своему рейсу?

Сегодня днем папа уезжает в пятидневную командировку.

— Думаю, да, но... ты же меня знаешь.

Мы с мамой хихикаем, потому что папа печально известен своей забывчивостью, когда ему предстоят длинные командировки. Он забудет про зубные щетки, зубную пасту, дезодорант, обувь...

— Он плохо спал, — шепчет мне мама. — Всю ночь ворочался с боку на бок.

— Почему? — спрашиваю я, поглядывая на папу, чтобы убедиться, что он не слышит нас из-за своего пения и соло на воображаемых ударных.

Мама расчесывает пальцами мои короткие светлые кудри. На ее лице написано беспокойство, а боль в глазах причиняет мне боль.

— Он волнуется о тебе.

И она тоже.

Не в силах вынести их тревогу, я отвожу взгляд от мамы и замечаю клубнику, чернику и взбитые сливки — все мои любимые начинки — на столе. Папа любит делать что-то для меня и со мной. Мое горло сжимается, потому что мне повезло, что у меня есть такой отец, как он.

Папа снимает дымящиеся вафли с разогретого железа, и его взгляд падает на пятьдесят разноцветных индеек из плотной бумаги, которые я приклеила скотчем к стене вчера вечером, пока не могла заснуть.

— Значит ли это, что мы снова празднуем День благодарения?

— Да.

— Когда мне нужно быть дома? — Папа привык к моему необычному увлечению творческим отмечанием праздников в любое время, кроме настоящего дня самого торжества. Это одна из многих вещей, которые я унаследовала от мамы.

Многие в школе называют меня странной. Мою маму тоже так называли, когда она училась в старшей школе, поэтому я стараюсь воспринимать любые насмешки как комплимент.

— Мне нужно поговорить с Лео, Назаретом, Джесси и Скарлетт и посмотреть, что у них готово. На этот раз мы должны купить огромную индейку. Я хочу побольше остатков.

— А ты не могла бы предупредить меня за две недели до Рождества? Я хотел бы успеть купить тебе подарок не с бензоколонки.

— Шагай в ногу со временем, папа. Есть же интернет-магазины. Двухдневная доставка. Это крутая вещь.

— Лео разве скоро не уедет в колледж?

Это напоминание заставляет меня нахмуриться, и я меняю тему разговора.

— А новые жильцы внизу все еще переезжают?

— Да, и их проинструктировали никогда не стучать, если им что-то понадобится. Только звонить мне. Если они нарушат правила, скажи, и я их выселю. Не хочу, чтобы они тебя беспокоили.

— Звучит неплохо. — Папа уезжает в длительный рейс на несколько дней, а потом возвращается домой на два-три дня. Этот график нам отлично подходит. Иногда наши арендаторы пытаются поговорить со мной, когда не могут дозвониться до папы, и это выводит его из себя.

— А кто переезжает сюда?

— Кто-то из местных жителей. Это краткосрочная аренда. Богачи ждут, когда их дом будет построен в «Родниках».

Фешенебельный район строится в восточной части города. Даже если бы мы с папой копили каждый пенни, заработанный за последние десять лет, все равно не смогли бы позволить себе первый взнос за один из этих дорогих гигантских особняков.

— Плата за первый месяц и депозитный чек лежат на стойке. Ты не могла бы его сдать на хранение?

— Конечно. — Поскольку папа путешествует, я занимаюсь нашими финансами. Грузоперевозки — это небольшой бизнес, по крайней мере, точно не такой, как владение собственной буровой установкой, однако и с ним связана тонна бухгалтерской волокиты. Папа учил меня сводить баланс с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Он

перепроверял все, что я делаю, но теперь, когда я стала старше, почти не контролирует мою работу.

— Ты сказал им, что в этом доме водятся привидения? — спрашиваю я.

— В этом доме нет привидений.

О да, это так. Папа чувствует себя обделенным вниманием со стороны призраков, потому что не видел этих теней, но я видела.

— Тогда почему риелтор сказал нам, что здесь водятся привидения?

— Потому что люди любят рассказывать истории.

— Ты должна рассказать ему, что видела, — шепчет мне мама, и чувство вины отдает желчью. — Он наверняка захочет это знать.

Если я признаюсь отцу, он слишком остро отреагирует и сойдет с ума, а я не готова к последствиям.

— Я ему все расскажу. Только не сейчас, — мягко отвечаю я.

— Потом может быть уже слишком поздно, — тихо продолжает мама. — Он наверняка захочет узнать это сейчас.

Я не готова делиться своим секретом с папой, хотя это невероятное бремя сложно нести в одиночку.

— Ты сказала, что тебя вполне устраивает мое решение по этому вопросу.

— Да, но я не уверена, что будет хорошей идеей скрывать что-то от твоего отца. Он любит тебя.

— Он разозлится, — шепчу я. — Папа бросит свою работу и никогда не выпустит меня из виду.

Это не та жизнь, которую я хочу для себя или для него.

— Ви, я не думаю... — начинает она, но я обрываю ее.

— Ты довольна тем, как все прошло после того, как ты рассказала отцу?

Мама была раздавлена моими словами и убита горем из-за того, что случилось между ней и папой, когда она открыла ему свою тайну. Несмотря на то, что мама давит на меня сейчас, она сказала папе, что только мне решать, как справляться с последствиями моего диагноза. И я предполагаю, что именно поэтому папа больше не разговаривает с мамой — по крайней мере, не при мне. Однако поздно ночью, когда он убеждается, что я сплю, его боль доносится с его стороны дома до моей. Я не слышу, что он говорит, но печальная, трагичная мелодия его голоса достигает моих ушей и разрывает мне сердце.

Я покусываю нижнюю губу и надеюсь, что она понимает.

— Есть вещи, которые мне прежде нужно сделать. После этого я ему все расскажу. Обещаю.

— Сожаление — это горькая вещь, — говорит мама. — Будь осторожна с этой игрой. После некоторых решений последствия становятся необратимыми.

Вот почему я не могу рассказать папе, что со мной происходит. Не сейчас. А может, и никогда, несмотря на мое обещание. Я знаю, что папа любит маму и что мама любит папу, но между ними есть эта стена. Прежде чем открою папе свой секрет, мне нужно найти способ наладить отношения между ними, дать ему утешение в разгар принятия мной сложных решений и сделать это так, чтобы не разрушить папину жизнь и мои планы на этот год.

— Ты готова поесть? — сияя, спрашивает папа.

— Определенно. — Я встаю, и мама тоже, но вместо того, чтобы пойти со мной к столу, она пересекает комнату и исчезает на лестнице. Папа снова ведет себя так, будто не замечает ее. Мне больно от этого, но я заставляю себя улыбнуться и делаю все возможное, чтобы насладиться этим моментом с отцом.

СОЙЕР

Вот первые пять вещей, которые мне нужно сказать маме, но я скорее отрежу себе ногу тупым ножом для масла, чем произнесу это вслух:

1. Ей очень нравится, что я пловец. На самом деле она любит бóльшую часть моей жизни сильнее, чем я сам. Но это логично, так как почти все она спланировала сама.
2. Я сломал руку, не поскользнувшись у бортика бассейна в ИМКА¹, как сказал ей, а сделав кое-что глупое.
3. Даже если я знаю, что делаю что-то безумное, не могу остановиться.
4. Нет, я не рад, что мой гипс снимут завтра, потому что этот гипс — единственное, что удерживает меня от совершения глупых поступков.
5. Новая подруга моего отца беременна их первым ребенком, и именно по этой причине я не разговаривал с ним и не навещал его с начала лета. Он с трудом справляется с тем, чтобы играть «папу» для нас, так зачем же ему еще один ребенок?

---

¹ ИМКА — юношеская христианская ассоциация, известная организацией детских лагерей.

Разве я написал что-нибудь из этого в своем выпускном журнале? Черт возьми, нет. Наш учитель английского должен жить под скалой мании величия, думая, что есть хоть один из нас, кто поделился бы нашими самыми глубокими и сокровенными мыслями в «Пятерке вынужденных (по моему мнению) летних заданий».

Я отстаю на сорок записей, и у меня есть время до шести вечера, чтобы закончить, прежде чем сдать дневник судьбы моему учителю на ознакомление. Знаю, что это не самый лучший способ начать год.

Через боковое зеркало заднего вида я наблюдаю, как моя младшая сестра бежит вокруг матери. Люси вопит во всю глотку, потому что увидела пчелу. Ее спутанные черные кудри развеваются за ней, как плащ, а ее пронзительный крик смешивается с расстроенными мольбами мамы. Не знаю, как удержание кофе двумя руками над головой помогает шестилетнему ребенку в состоянии паники, но мама одержима своим утренним кофе, который для нее важнее страхов Люси.

Мама наконец ставит чашку на крыльцо и пытается удержать мою сестру. Нерешительными движениями она пытается схватить постоянно ускользающую Люси, но это все равно что ловить воздух. По тому, как мама двигается, можно предположить, что она застряла в мокром цементе, — она очень устала. Не уверен, какой это тип усталости: «я-не-выспалась-сегодня» или «я-мать-одиночка-которой-почти-пятьдесят-с-работой-требующей-полной-отдачи», или простая усталость вроде «сейчас-девять-утра-и-быть-ответственной-взрослой-полный-отстой».